

Игорь Шестков "Господин Макс"

ГОСПОДИН МАКС

Моя подруга Рамона потеряла невинность в четырнадцать лет. В маленьком уютном живописном городке в Рудных горах, с речкой, замком и видами. В Ропау. Куда мы с ней позже регулярно ездили на электричке на дачу. Рамона занималась там разведением цветов, копала, сажала, окучивала, подрезала... а я сидел в полосатом шезлонге, оставшемся от предыдущих владельцев дачи, заядлых игроков в скат, которые землю не рыли, цветы не сажали, а только дули пиво, курили и в карты резались, читал или загорал...

Перед отъездом домой мы заходили в кафе «У диких бобров» и ели там розовые, запеченные в собственном соку форели, посыпанные укропом и петрушкой, пойманные у нас на глазах длинным сачком в крохотном, метров тридцать квадратных, отделенном от реки тонкой перегородкой прудике, заросшем белыми кувшинками, в бутонах которых сидели иногда, свернувшись колечком, небольшие черные змейки с золотистыми крестиками на головках.

Жила Рамона в Ропау с мамой, папой и бабушкой в средневековом доме, в котором сто лет назад находилась рыбная копильня. Комнатка ее все еще пахла рыбой, и в ней вместо окна была застекленная сверху дверца, выходящая прямо на речку. Через эту дверцу рыбаки загружали рыбу в копильню. До воды было метра три, но во время наводнений комнату подтапливало. Поэтому кровать Рамоны висела на деревянных столбах, и спала она почти под потолком. Над ее кроватью был лаз на чердак, оттуда можно было вылезти на крышу.

Поднималась Рамона в свою кровать по веревочной лестнице.

Летом в ее комнатке было нестерпимо жарко, а зимой холодно, даже сосульки висели... греться Рамона уходила в теплую кухню, сидела там вечерами в плетеном кресле и просматривала старые выпуски сатирического журнала «ULK», выпускавшегося в Берлине со времен Бисмарка и до 1933-о года, главным редактором которого одно время был сам Курт Тухольский. Нашла Рамона с дюжину перевязанных пачек на чердаке и скрыла от матери... чтобы та

не сожгла их в печке. Уголь был дорог и топили, чем могли.

Других книг в их жилище не было.

Особенно ей нравились карикатуры на последнего русского царя времен Первой Мировой. Трясущийся от страха маленький Николашка сидит, забившись в угол, в купе царского поезда... Глупый царь с уродцем-царевичем на коленях читает статью «Вести с фронта». Невдалеке стоят два его генерала и один говорит другому: Неужели он верит?

Похожий на курицу в короне, с петлей в руке, царь показывает когтистым пальцем на здание с колоннами, на котором написано «Дума» и кричит: Вешать! Вешать их всех!

...

Семья Рамоны жила, как и почти все гэдээровские рабочие семьи того времени, очень бедно. Страна еще не преодолела послевоенную разруху, да и советчики ободрали свою зону оккупации как липку. Вывезли не только специалистов, станки, цветные металлы, автомобили, пароходы, локомотивы, самолеты, фильмы, колготки и иголки, но даже гвозди драли из стен и лампочки вывинчивали... и везли в СССР. К тому же ГДР платила стране-победителю репарации. Наличными и товарами ширпотреба.

Мать Рамоны работала на местном мясокомбинате, куда ее устроил ее дядя, тамошний заместитель директора, поэтому два раза в неделю семья ела тушеное мясо. С квашеной капустой. Да еще и подрабатывала вечерами кельнершей в таверне «Старая пивоварня». И дочь заставляла там убирать и прислуживать. Гости этого заведения, в основном зажиточные ремесленники, звонко шлепали и мать и дочь по крутым задам. Мужчины тогда, в самом начале шестидесятых, еще были редкостью, и они это знали и с удовольствием этим пользовались. Чаевые были небольшие, но мать приносила домой остававшуюся от гостей провизию. Только поэтому семья Рамоны не голодала.

Отец ее работал забойщиком на урановой шахте предприятия «Висмут», зарабатывал по тем временам хорошо, но зарплату домой не приносил, а пропивал. Или прямо там, на Висмуте, где, несмотря на социализм и советскую администрацию, царила атмосфера Клондайка, прямо на территории шахты были организованы питейные дома с дешевым шнапсом и неофициальные

публичные дома с недорогими девушками, или в городке, в той же самой «Старой пивоварне», в которой был завсегдаем и слыл главным остроловом. Отец Рамоны, которого я близко узнал в девяностых, когда он уже был больным стариком, хоть и молодился, не был плохим человеком, эгоистом, грубияном... только типичным работягой. Да еще и с обидой на жизнь. Которую он нередко вымещал на семье. Бил жену... и дочери перепадало.

Обида эта произошла вот от чего. Недалеко от дома Рамоны жили многочисленные ее кузены и кузины и другая родня по отцовской линии. Все они, включая четырех дядей, тетю, бабушку Рамоны и кучу отпрысков, перебрались на Запад через Берлин за неделю до постройки Стены. Отец Рамоны вместе с женой и дочерью должен был уехать через десять дней после них, но... оказался в мышеловке и очень из-за этого переживал. Тем более, что все его братья сделали, пусть и не сразу, карьеру в автоиндустрии и стали в Западной Германии хорошо обеспеченными, уважаемыми бюргерами. А он... так и остался шахтером на Висмуте и завсегдаем «Старой пивоварни», где не скрывая своих эмоций, честил ГДР как только мог. Забойщик на Висмуте, добывающий уран для советского ядерного оружия – средняя продолжительность жизни горнорабочего на урановой шахте была лет сорок, но отец Рамоны оказался крепким орешком и дожил до восьмидесяти пяти – мог себе это позволить. Мать Рамоны очень любила рождественские украшения... деревянные фигурки... щелкунчиков, курящих человечков... народное искусство жителей Рудных гор... ее я тоже близко узнал в девяностые... бог с ней... не мне ее судить.

После окончания восьмого класса школы родители Рамоны не отправили ее в класс девятый, как она хотела, а определили подмастерьем в единственное частное предприятие Ропану – на прядильную фабрику.

Приведу тут рассказ Рамоны, который я слышал раз двадцать... обычно до или после интима.

Надо отметить, каждый раз она рассказывала свою «обыкновенную историю» по-разному. Суть-то конечно оставалась одной и той же, но подробности от раза к разу менялись. Наверное мутировали.

...

Рассказ Рамоны:

Я была девочкой своевольной и упрямой. Стала такой в «Старой пивоварне». Жизнь меня научила добиваться своего. В прядильне я работать не хотела, хотела учиться дальше в школе. Скучала по одноклассникам. К тому же была тогда влюблена в учителя географии, господина Кнопса. У него были большие печальные глаза. Говорил он не громко, но убедительно. Особенно, когда рассказывал про апартеид в Южной Африке. Болтали, что он воевал в составе ваффен-СС, но я не верила. Оказалось после, что правда, он сам мне рассказал. Да... а теперь мы все узнали, что и наш писатель великий, лауреат Нобелевской премии, тоже в составе ваффен-СС воевал. Защищал Берлин от ваших. А в плен попал по умному – к американцам.

Умоляла мать не забирать меня из школы, дерзила ей, а мать меня увещевала-уговаривала, мол, деньги надо зарабатывать, родителям помогать, а не по школам понапрасну мотаться, даже несколько раз ударила по щеке. Обещала освободить от «Старой пивоварни». И отец... наорал на меня, чуть не побил, а потом заплакал. И пол ночи с матерью ругался. Я подслушивала за дверью. Он кричал: Ты сама проститутка и дочку такой же хочешь сделать! Ты что, не знаешь, кто там работает? Одни б...

Я против воли согласилась, а про себя решила, что как только заработаю достаточно денег, уйду из дома, вон из этого города... в Лейпциг или в Берлин. Так я и сделала... только позже... а год примерно пришлось на фабрике отпахать. Поэтому я знала потом, на профсоюзной работе, что рабочий человек на самом деле живет вроде как собака или осел, в пожизненном рабстве. Сочувствовала и, как могла, помогала.

...

Никогда не забуду свой первый день. Посадить меня сходу за ткацкий станок начальство не могло, сложное это дело и опасное. Поэтому меня для начала отправили в отбеливательный цех, на грубую, грязную работу. Там были горячие ванны с щелочной водой. Тяжелые рулоны ткани надо было подтаскивать, из одной ванны в другую переключивать, мыть, что-то еще делать, не помню уже. Это сейчас все автоматизировано, а на той фабрике было оборудование тысяча девятьсот десятого года. Все в ручную...

Ну вот, привел меня директор в цех... а там жара – под сорок... пар... хлоркой

воняет невыносимо... шум, гам. Но самое странное – все работницы, бабы под пятьдесят... до пояса голые. Красные, распаренные... сиськи огромные мотаются. Потные, пузатые, жирные. Таскают рулоны... в ваннах деревянными лопатами воду мешают... и директора, крючка такого очкастого, лысого... вовсе не стесняются. Обсуждают что-то с ним.

Да, кстати, после я его ближе узнала, он оказался неплохим человеком, помог мне из проклятой прядильни выбраться. Хоть и не безвозмездно, да... а кто в этой жизни что-то безвозмездно делает? Я таких не знаю.

Ну да, это что же, значит и мне надо... голой до пояса... при директоре... и рабочие в цех заходят... взрослые мужики, одетые, и молодые ребята-механики всего на два-три года меня старше. А мне четырнадцать лет всего... но у меня уже груди выросли... как большие персики, и я их ужасно стеснялась. Потому что у всех моих подружек грудки были маленькие, как блюдечки. Или вообще еще не было груди. Питались мы тогда как нищоброды. Ни жира, ни витаминов. Ну вот, сняла я в раздевалке свою одежду, надела фабричную полотняную юбку до колен, а под ней ничего, только трусики. Платок меня заставили повязать, чтобы волосы в станок не попали. И сапоги громадные дали, чтобы хлор ноги не разъел.

Стою в раздевалке, дрожу, стесняюсь в цех выйти.

Директор ко мне подошел, поглядел на меня, а я чуть в не в рев...

Он понял, глаза отвел, что-то доброе сказал и легонько так меня по спине погладил. Меня как током... Потом за руку взял, ввел в цех, показал, что и как делать, познакомил с работницами. Ничего, бабы они были не плохие. Все, как одна – вдовы военные. Я для них вроде сосунка была... Они меня и не замечали. Только одна, румынка из бывших заключенных – помоложе остальных – кудрявая такая... когда никого рядом не было, все норовила мне груди помять, да в шею целовала взасос. Обнимала, шептала мне что-то страстно по-своему... глазами сверкала.

Я ее не понимала, но не отталкивала, играла с ней, дурачилась. Несколько раз и ее за маленькие смуглые груди пощупала. Но это меня не возбудило. Мне для любви всегда нужен был мужчина.

Да, трудно было поначалу. С ног валилась от усталости. Кашляла страшно. Но

втянулась. Зарабатывала сто двадцать марок в месяц. Гэдээровских. Половину мать отбирала.

А потом случилось то самое.

...

Инженером-механиком по ткацким станкам работал у нас один дедушка. Сейчас-то он мне дедушкой не показался бы, было ему только слегка за шестьдесят. Но тогда...

Господин Макс.

Однажды он зашел в наш цех. Увидел меня и видимо загорелся. После смены подошел ко мне... в красивом костюме, галстук... старой культуры был человек, довоенной... в нагрудном кармане платочек батистовый треугольником... на мизинце кольцо с бриллиантом... надушенный весь... ногти в маникюре и говорит вежливо. На вы.

– Позвольте мне, фроляйн Рамона проводить вас до дома. Имя у вас какое... музыкальное. Будит воспоминания.

Взял меня под руку и повел, только не к нашему дому, а в парк, туда где камни разные доисторические выставлены. Ну эти... окаменелости. А затем к себе домой пригласил. Я пошла, не роптала. Что я в жизни видела? Дома родители грызутся, на работе – ад, а тут человек порядочный... чистый. Побывал в Париже.

У себя господин Макс на меня не набросился, как любой другой на его месте бы сделал, а угостил меня кофе со сливками и шоколадом, рассказал про Шанз-Элизе и площадь Пигаль, а потом отвез меня домой на своем стареньком мотоцикле с коляской. Я очень этим гордилась... Форсила перед подружками. На следующий день – все повторилось... только я еще вдобавок цветы от него в подарок получила. Гвоздики. И погуляли немного... по кладбищу... там, где могилы цыганских детей. Помнишь я тебе рассказывала, как эсэсовцы у нас, в Ропау, взрослых цыган в концентрационный лагерь отправили, а детей, за сотню их было, расстреляли на берегу реки, под мостом. Некоторые впрочем говорят, что они сами... от тифа умерли.

Господин Макс мне о своих приключениях в плену у французов рассказывал... как они в лагере в футбол играли... заключенные-немцы против охранников-

французов и выиграли. А французы обиделись и немцев жестоко избили. И совестливый Макс, который уже было решил, что мы, немцы, самый жестокий на свете народ, тогда понял, что французы ничуть не лучше, только организованы не так хорошо... и Гитлера у них своего не было.

На третий день – опять гуляли... рядом с фабрикой мотоциклов, где господин Макс до войны работал... и опять кофе у него пили.

На четвертый день он меня первый раз поцеловал.

А на пятый день... в воскресенье... сидели мы у него дома, в кабинете. Господин Макс мне коллекцию марок показывал. Объяснял что-то про зубцы и гашение.

Потом начал целовать... пошли в спальню, сели на его большую кровать.

Я разделась, зачем тянуть да жеманничать? Это ваши женщины жеманные. А мы, немки, относимся к телесной любви разумно.

Легла, расставила ноги... ждала, что он ляжет на меня...

А господин Макс... вдруг закурил сигару и сказал мне, что... по-настоящему меня любить не может... из-за ранения... А не по-настоящему не хочет. Но знает, как решить проблему.

Я промолчала, съежилась.

А он вдруг сказал громко: Входите же, господа, девушка готова.

В спальню вошли несколько мужчин.

Все с лысыми и брюшками. Голые, пьяные, возбужденные. Двоих или троих я встречала в «Старой пивоварне». Один, собутыльник моего отца, был даже старше Макса. С усищами как у кайзера Вильгельма.

Смутило меня только то, что среди них был и наш учитель географии.

...

Господа эти со мной не церемонились... времени даром не теряли... тут же начали меня за груди и между ногами трогать, попотчевали меня французской любовью, а потом тот самый, с усищами, лег на меня... придавил как сапог лягушку.

От него пахло потом, табаком и пивом.

А после него и все остальные... по очереди... меня трясли. Да как... Последним был господин Клопс. Как же он громко стонал... хрипел... просил меня смотреть ему в глаза и называть папой...

Потом пошли по второму кругу.

Часа три длилось представление. Ты только не подумай, что они меня насиловали.

Мне было очень приятно. Только за господина Макса было обидно, что он своей радости не получил.

А он, господин Макс все это время сидел на стуле рядом с кроватью, жадно смотрел на нас, курил сигары, пил красное вино и по голове меня гладил.

Так я потеряла невинность.